

Побег с Земли

Одноактная пьеса трех ступеней

Действующие лица:

Преступник.

Писатель.

Читатель.

Тюремщики.

Санитары.

На сцене тюремная камера, комната Писателя и комната Читателя.

Обстановка камеры: крашенные грязноватой желто-зеленой краской стены, узкая кровать, покрытая серым одеялом, с плоской не слишком чистой подушкой, заржавленная раковина, деревянная табуретка и небольшое зарешеченное окно под потолком.

В интерьере комнаты Писателя заметна претензия на богемность. В углу высокая авангардистская скульптура, на стене абстрактная картина, покрывало на кровати и плотно задернутые портьеры на окне из одинаковой ткани винного цвета с узором в виде китайских драконов. На большом письменном столе ноутбук.

Комната Читателя – спальня с обоями в цветочек, диваном, книжными полками. Легкие кружевные шторы на окне сдвинуты в стороны, ясно видна открытая форточка. На подоконнике – бутылка минеральной воды и стакан.

Камера и комната Писателя находятся рядом, одна слева, другая справа. Комната Читателя – сверху, вторым этажом над ними.

Внешностью персонажи немного похожи друг на друга: что называется, «обыкновенные» люди примерно тридцати пяти лет. Средний рост и телосложение, русые коротко стриженные волосы (у Преступника – короче других, под «ежик»). Это единственная его стереотипная «тюремная» черта. Лицо у него скорее тонкое, чем грубое). Писатель носит очки без оправы. Одеты персонажи, соответственно, в тюремную робу, рубашку и брюки, джинсы и футболку.

Писатель сидит за столом, на котором лежат раскрытая в начале книга и стопка отпечатанных на принтере листов. Преступник в камере застыл, сидя на кровати, обхватив колени руками и уставившись перед собой в одну точку. Читатель в своей комнате устроился на диване, поджав одну ногу. Но поза его не расслабленная, на спинку дивана он не опирается, наоборот, подался вперед, к книге, которую держит в руках. Он поглощен чтением. Обложки книг у Писателя и Читателя одинаковые, это одно и то же издание.

Писатель (берет в одну руку книгу, в другую – верхний лист из стопки. Читает, попеременно глядя в книгу и на лист – текст там и там совпадает). «Все люди делятся на две категории. Если человек доведен до бешенства, до безумия, до отчаяния, когда не остается ничего кроме как разрушать – кого он разрушит: себя или другого? Вот разница. Проще говоря, все мы от природы делимся на убийц и самоубийц. Кто виноват, что родился принадлежащим к первой или второй категории?» Это строки из дневника, который он дал мне прочесть...» (Одновременно захлопывает книгу, швыряет ее на стол и роняет на пол лист). Из выдуманного дневника. Выдуманного мной.

Книжка готова. Книжка про путь, который привел человека к преступлению. Ее читают и хвалят. А я сижу и удивляюсь – как мне хватило смелости за нее взяться? Как хватило смелости лицом к лицу

встретиться с моим... (усмехается) героем? С убийцей, который убил вовсе не ради самообороны? Я ведь не из тех, кто отличается большой смелостью. До сих пор не понимаю, как я сразу же оттуда не убежал. Знакомство наше началось...

Поворачивается к стене, которая отделяет его комнату от камеры.

Преступник (мгновенно вскакивает с кровати и кричит – без малейшей паузы после слов Писателя. Обращается к залу, но так, что ясно – перед ним Писатель). Уберите от меня этого придурка! Какого черта он здесь делает? Катись отсюда! Я тебе не обезьяна в зоопарке!

Голос тюремщика. Заткнись и веди себя тихо. У этого человека есть официальное разрешение тебя посещать.

Преступник (сквозь зубы). Ах, официальное...

Стоит, тяжело дыша и сжимая кулаки. С ненавистью глядит перед собой – как бы на стоящего по другую сторону решетки Писателя.

Писатель. Не помню, как я узнал о нем. От кого-то из знакомых, или услышал в новостях. Добиться разрешения на визиты было трудно, но все-таки судья мне его выдал. (Переходит в камеру, садится на табуретку, смотрит на Преступника снизу вверх). Я не считаю тебя обезьяной в зоопарке.

Преступник (после долгой паузы усмехается, усаживается на кровать). Зачем тогда пришел? Мне сказали, ты сочинишь книжки. Хочешь заработать на мне деньги?

Писатель. Не в первую очередь.

Преступник (усмехается чуть более дружелюбно – перед ним не притворяются ханжески). А что в первую?

Писатель. Рассказать о тебе. Об одном из людей. Таких как ты сажают за решетку – но все мы, кто сажает, и кого сажают – люди. Мало кто из нас заслуживает похвалы, не все – любви. Но, думаю, какой-то доли внимания заслуживают все.

Преступник. Мне нравится, что ты не читаешь мораль.

Писатель. Я здесь не столько за тем, чтобы говорить, сколько – чтобы слушать. Если ты захочешь рассказывать.

Преступник. О чем?

Писатель. О своей жизни.

Преступник. Не жди, что я стану плакаться в жилетку. Может, у меня была не жизнь, а сплошное дерьмо, но жаловаться – последнее дело.

Писатель. Не жалуйся. Просто расскажи.

Преступник. Рассказать? Ну, почему бы нет... Слушай. С чего начать? С детства?

Писатель. Давай с детства. Не возражаешь, если я кое-что буду записывать?

Преступник. Нет.

Негромко разговаривают. Писатель придвигает табурет ближе к кровати. Слушая, делает пометки карандашом в блокноте.

Читатель (отрывает взгляд от книги, откидывается на спинку дивана. Смотрит то в «потолок» комнаты, то в зал). Он не пытается его оправдывать. Очень правильно, по-моему. Да, это не оправдание. Это... объяснение. Такое живое, что каждый может представить себя на месте этого героя. Тяжелое детство, такие родители... Мать-алкоголичка, от которой приходится терпеть побои и скандалы. Отец со своими представлениями о том, что значит «настоящий мужчина». Никогда нельзя проявлять слабость, всегда давать сдачи. И все-таки сам он не сделался ни никчемным пьяницей, ни грубой скотиной. Ну да... ясно же, это не грубый человек, хотя... способный на убийство. (Вздыхает, качает головой). Да, сложная штука – жизнь, вот что хорошо обрисовано в этой книжке. Жестокость, среди которой прошло его детство, не могла не оставить след. Но он начал собственную жизнь, старался зарабатывать, как мог. По-честному. Но такой уж характер – в голове у него было много всяких несбыточных планов и мечтаний, а денег в кармане мало. Но это ведь не повод позорить человека, верно? Какое право имел сынок богатенького папочки, явившийся в мир на все готовенькое, издеваться над другим из-за того, что считает его неудачником? Да еще прилюдно издеваться? (Листает книгу).

Преступник (наклоняясь ближе к Писателю, негромко). Да, это мое мнение. Оскорбление, намеренное и жестокое, можно приравнять к покушению на жизнь. Какая разница, морально пытаются уничтожить или физически? Ты имеешь право ответить. Уничтожить того, кто тебя унизил. Не хочу сказать, что человеческая личность – самая важна вещь на свете, но право такое у тебя есть. (Откидывается к стене, кладет ногу на ногу и, прищурившись, смотрит на Писателя). Что, не ожидал?

Писатель (нервно сглатывает). Чего?

Преступник. Что тюремное быдло использует в лексиконе слово «морально».

Писатель. Если бы я считал тебя тюремным быдлом, не сидел бы здесь.

Преступник. Я учился, знаешь... сам, как получалось. На дипломы денег не было. Закурить есть?

Писатель протягивает ему пачку, берет и себе сигарету. Щелкает зажигалкой. Оба закуривают.

Читатель. Но тот папенькин сынок – он тоже был человек, в этом вся штука. Человек со своей жизнью, с единственной жизнью. В книге это ясно показано, его не пытаются представить хуже, чем он был. А убийцу – лучше. Они... оба изображены людьми.

С минуту сидит, задумчиво глядя в пространство, потом продолжает чтение.

Писатель возвращается в свою комнату, садится за стол, тушит окурочек в пепельнице. Преступник тоже докуривает, встает с кровати, из-под матраса вытаскивает лист бумаги и карандаш, ложится на пол, на живот, и принимается что-то рисовать.

Писатель. Когда я в первый раз пришел к нему, его вина уже была доказана, и приговор вынесен. Он до сих пор ждет исполнения – или очередной отсрочки. Да, денег я заработал... Книга готова, издана и хорошо продается. Заканчивается она преступлением и тюрьмой. Продолжать у меня не было бы сил – хотя читателям я в этом не признаюсь и выдумываю разные отговорки. (Смотрит по сторонам, хмурится – но больше это выражение получается похожим на болезненную гримасу, нервно сжимает и разжимает руки). Теперь мне как будто нет смысла навещать его в тюрьме, но я иногда хожу... И не только к нему, но и к судьбе. Ужасная глупость. Потому что бесполезно и потому что зря порчу свою репутацию. Господи, ну почему он и правда не оказался обыкновенным уголовником, машиной, которая бездумно уничтожила того парня? Но о чем я?... (Устало трет лоб). Таким случаем я не заинтересовался бы.

Читатель (отрывается от книги). Глубина. Мало в каких историях встречал такую глубину. По пальцам пересчитаю, и все это любимые книги. Нельзя так написать, не почувствовав все это собственной шкурой, не пропустив через себя. Такие книги всегда заканчиваются слишком быстро. А этого не хочется, вот и возвращаешься к отдельным эпизодам. (Откладывает книгу, сидит, подперев подбородок рукой). Все это трудно уложить в голове, все эти мысли и эмоции...

Взяв книгу подмышку, Читатель по специально устроенной лестнице спускается со «второго этажа» вниз и с задумчивым видом прогуливается по авансцене. Писатель выходит из своей комнаты, чтобы перейти в камеру, и они с Читателем сталкиваются лицом к лицу. Секунду-другую длится замешательство.

Читатель (вглядываясь в лицо Писателя). Простите, а вы случайно не автор этой... (хватается за книгу).

Писатель. Нет, вы меня с кем-то перепутали.

Поспешно обходит Читателя и скрывается в камере.

Читатель стоит, несколько растерянный, потом кивает сам себе, решив, что действительно ошибся, и продолжает прогулку. Спустя какое-то время садится на край сцены с открытой книгой в руках.

В камере Преступник протягивает Писателю талантливо сделанный рисунок, пейзаж. Из-под матраса достает еще картины, и тоже подает Писателю. Тот смотрит их одну за другой.

Писатель. Ты мог бы быть художником.

Преступник (с детски-довольной интонацией). Нравится?

Писатель. Да. Здорово.

Преступник. Я пытался подрабатывать рисованием, расписывал стены в разных забегаловках и так, еще по мелочам. Но много этим не нажил. Если хочешь, подарю тебе рисунки.

Писатель. Спасибо.

Преступник. Больше мне все равно их некому оставить. Не моему же папаше, чтобы он поставил на них свои грязные ботинки. А ты за это принесешь мне книжки. Я люблю читать. Только не какую-нибудь дрянь. Можешь принести свои. Интересно же, *кто* взялся рассказывать про мою жизнь.

Писатель (через силу улыбаясь). Ты уверен, что мои книжки – не дрянь?

Преступник (смеется). Вот и узнаем... (Внезапно становится серьезным). Но эту, про меня, ты не принесешь, да? Не покажешь мне? Она ведь уже вышла?

Писатель (после долгого колебания). Да, вышла.

Преступник (с усмешкой). Чего ты там такое понаписал, что боишься мне показать?

Писатель (морщится). Теперь это уже явно болезненное выражение, как у человека, которого мучит сильная мигрень). Я... постарался написать правду. Так, как увидел.

Преступник. Думаешь, я не смогу читать правду о себе?

Писатель. Мало кто хочет знать о себе правду, как ее видят другие.

Писатель и Преступник, сидя друг напротив друга, один на табурете, другой на кровати, умолкают.

Читатель (закрывает книгу, поднимается). Некоторые люди до конца жизни не взрослеют. Это хорошо, но это и плохо. Дети, и взрослые дети тоже, не могут отвечать за свои поступки и принимать правильные решения. То есть, те решения, которые по общему мнению – правильные. Но затянувшееся детство означает и кое-что другое. Способность мечтать, например, и восприимчивость ко всему... Когда человек взрослеет, он как бы приобретает окончательную, застывшую форму, которую нельзя изменить. А детский взгляд на вещи позволяет меняться... Писатели, художники, актеры, музыканты – все они до конца жизни – неповзрослевшие дети. Благодаря ним и мы можем увидеть, *как* можно измениться. Но этот убийца... тоже неповзрослевший ребенок? Взрослый, не вышедший из подросткового возраста? Нас учат, что в мире есть добро и зло – но кто может с уверенностью отделить их друг от друга? Кто может судить: вот одно, а вот – другое, и не иначе?

Поднимается по лестнице в свою комнату, в задумчивости садится на диван. Чуть позже берет с подоконника бутылку и стакан, наливает воды, пьет.

Преступник. Ты никогда не спрашивал, жалею я о том, что сделал, или нет.

Писатель. И не спрошу.

Преступник. И правильно. (Достает из-под матраса потрепанную тетрадь). Вот, возьми и это.

Писатель берет, быстро перелистывает.

Писатель. Ты действительно ведешь дневник?

Преступник. Что значит – действительно?

Писатель (часто моргает, утирает тыльной стороной ладони вспотевший лоб). Просто оговорился... удивлен.

Преступник (усмехается). Ну да. Это же *тебе* полагается писать, а не мне.

Писатель. Почему ты раньше его мне не дал?

Преступник (пожимает плечами с деланным безразличием). Сравни теперь, насколько правильно все насочинял в своей книжке. Надеюсь, не сильно наврал. Не налил там литры соплей, чтобы меня жалели. Пусть лучше ненавидят.

Писатель. Нет, думаю, жалеть не будут. Но и ненавидеть тоже. Не все, по крайней мере.

Читатель (расхаживает по своей комнате). Можно ли ненавидеть героя книги? Нет, не думаю. А жалеть? Жалеть убийцу – даже звучит нелепо! Но, скажем, не убийцу, а человека. Или... нет, тут не жалость. Жалость – это что-то унижительное. Пожалеть можно жука, на которого нечаянно наступил, но человека... Тут больше подходит сочувствие, или... милосердие. Хотя все это одни слова, но какая-то разница в чувствах, которые они обозначают, все-таки есть. Только вот... если бы я был родственником или другом того убитого парня – я бы ненавидел убийцу. Как иначе? Каждый из нас смотрит на все со своего места в жизни. Точка отсчета – в наших головах. У всех разная. По-другому и быть не может.

Снова опускается на диван и листает книгу. Писатель возвращается в свою комнату, держа в руках стопку рисунков и тетрадь. Преступник ложится на кровать, закидывает руки за голову и смотрит в потолок. Писатель садится за стол и листает дневник Преступника.

Писатель (читает). Оскорбление, намеренное и жестокое... Имеешь право ответить, уничтожить того, кто унизил... (Отрывает взгляд от тетради). Нет, на самом деле никто не имеет такого права... (Зажмурившись, мотает из стороны в сторону головой. Впечатление такое, что он протестует не против прочитанного, а против чего-то другого). Нет, нет! (Снова смотрит в тетрадь). Все люди делятся на две категории. Кто виноват... (Закрывает лицо ладонями и опять качает головой). Нет, этого нет здесь. Что за бредни? Это придумал я сам. (Отнимает ладони от лица, встает со стула). Я жутко устал. Мне надо отдохнуть. (Ложится на кровать. Лежит на боку, закрыв глаза и подтянув колени к подбородку. Говорит не очень разборчиво, наполовину в подушку). Угораздило же... Всю жизнь так – выбираю не тех друзей. (С тихим смешком). Друзей?.. Ну вот, я проговорился. Проговорился сам себе.

Читатель (держит книгу между ладоней. На его лице – спокойное воодушевление. Иногда слегка кивает своим мыслям). Да, эта книга сразу стала одной из моих любимых. Потрясающий стиль, язык. Я могу это оценить как читатель. Хотя содержание, смысл для меня все-таки важнее. А все вместе – это настоящее писательское мастерство. Можно ли эту книгу охарактеризовать как реализм? Я ведь не большой любитель реализма, грубого, во всяком случае. Тут другое... Все так просто и в то же время – сложнее не бывает. Трагичнее не бывает. От таких книг становится больно. Но книги для того и существуют, чтобы вызывать чувства. Разбивать лед общепринятых суждений – они всегда ледяные и неподвижные, эти общепринятые суждения. А настоящие книги вызывают настоящие чувства. Как эта повесть сильно подействовала на меня! Даже случайный пешеход показался похожим на автора (усмехается своей мнимой ошибке, но тут же становится серьезным). Но, насколько я знаю, история убийцы еще не закончена...

Голос тюремщика. Заключенный! Все ваши требования о пересмотре дела отклонены. Приговор окончательный, и завтра на рассвете будет приведен в исполнение.

Преступник вскакивает и испуганно мечется по камере. Но потом, решая взять себя в руки, с нарочитым спокойствием садится на кровать и смотрит перед собой.

Преступник. Значит, последние часы... Я слышал, перед казнью дают на ужин, что захочешь. Глупее ничего придумать нельзя.

Писатель медленно встает с кровати, бредет к столу, включает ноутбук. Не садясь, склоняется к экрану и читает новости.

Писатель (полусонно). Приговор окончательный... (вздрагивает, продолжает громко и резко) и будет приведен в исполнение завтра (выпрямляется, пошатнувшись, хватается за край стола. На его лице ужас сменяется потерянностью и бессилием. Устало прикрывает глаза). Это хуже всего. Когда ничего не можешь сделать, ничем помочь... (Падает на стул, как будто у него подкашиваются ноги).

Читатель (бродя по комнате). Думаю, он все-таки раскаивается. Да (встряхивает в воздухе книгой) это такой человек, который не может не пожалеть о своем поступке. Все, бывает, поддаются вспышкам гнева. Все по-разному... Но *после* некоторым – всё равно, а другие осознают свою вину. Конечно, это ничего не меняет... в реальности. Только в душе самого человека...

Писатель ослабевшей рукой перелистывает тетрадь – дневник Преступника. С видимым усилием заставляя себя посмотреть на последнюю страницу. Закрывает тетрадь.

Писатель (кивая головой) Мне жаль.

Его взгляд блуждает с тетради – в никуда, и непонятно, прочел ли он эти слова в дневнике, придумал, или же они – не финал истории Преступника, а его, Писателя, собственное отношение ко всему происходящему.

Он берет со стола книгу, поднимается со стула. Прежде чем выйти из комнаты, стоит на пороге, тяжело дыша, наклонив голову и сжав свободную руку в кулак – как будто ему предстоит поединок. Наконец решается сделать шаг и направляется в камеру.

Голос тюремщика. Это ваше последнее посещение.

Писатель (оглядывается, пытаясь увидеть обладателя голоса). Да, знаю...

Входит в камеру.

(Преступнику). Я принес книгу...

Преступник. Свою последнюю?

Писатель. Да. Последнюю.

Протягивает книгу, Преступник берет, глядит на обложку и криво улыбается.

Преступник. Теперь ты уже можешь не опасаться, что я разозлюсь и больше не захочу тебя видеть, да?

Писатель содрогается, как от удара. По всему заметно, что ему едва ли не хуже, чем Преступнику.

Преступник. Да ладно... (бросает книгу на кровать). Это шутка. Юмор висельника. Садись.

Преступнику приходится самому пододвинуть табурет и положить Писателю руку на плечо, чтобы тот сообразил, что делать. Только после этого он опускается на стул.

Писатель. Я не раз говорил с судьей. Объяснял, что это не обычное дело, и здесь нельзя торопиться, нельзя вот так... вот так... (возможно, впервые в жизни он не находит нужных слов, и это усиливает его растерянность и смятение. Делает беспорядочные жесты, пытаясь как-то выразить свои чувства).

Преступник. Я понимаю, ты не законник и не можешь на них повлиять. Все равно, спасибо. (После паузы). Ничего нельзя сделать, да? (В середине фразы его голос срывается, он откашливается и договаривает с усилием).

Писатель, сжавшись, как будто стараясь занимать как можно меньше места, отрицательно качает головой.

Преступник (кивает со вдохом). Ну да.

Голос тюремщика. Посетитель, покиньте камеру.

Писатель встает со стула. На мгновение кажется, что он тут же упадет. Но вместо этого он протягивает Преступнику руку, и тот с благодарным кивком ее пожимает. Медленным, но твердым шагом Писатель покидает камеру и только в своей комнате падает на пол и остается лежать без движения.

В камере и в комнате на втором «этаже» за окнами темнеет. Преступник ложится на кровать и раскрывает книгу. Но, прочтя всего несколько первых строк, с усмешкой откладывает. Едва его руки оказываются пустыми, улыбка исчезает с лица, уступая место болезненному выражению. Это смесь страха и отчаяния, которые он тщетно старается подавить.

Читатель задергивает кружевные шторы, темное небо видно сквозь них.

Читатель. Надо же, даже не спится. Так может захватить написанная история! И столько мыслей в голове... (расхаживает по комнате). Самое удивительное вот что: книга действительно трагическая, но не оставляет совершенного, бесповоротного ощущения безнадежности. Автор не ставит цели утопить читателей в сплошной тоске. Как ни странно, в этой книге есть место надежде. И это вовсе не попытка подсластить пилюлю. Надежда сквозь боль... Но все-таки она есть, надежда.

Писатель приходит в себя, приподнимается на руках и оглядывается вокруг, не узнавая своей комнаты.

Писатель (шепотом). Убийцы... Какие мы все жестокие убийцы! Жестокость повсюду, нигде ни капли сострадания! Как здесь жить? Я не хочу жить в таком мире! (Кричит). Выпустите меня отсюда!

Вскакивает, мечется по комнате, задевая за мебель и спотыкаясь.

Рассвет! Рассвет здесь не наступит никогда!

Скидывает со стола пепельницу и ноутбук, срывает картину со стены. Пинает стул, опрокидывает скульптуру, швыряет на пол и топчет ногами подушку. Стаскивает с кровати покрывало, пытается его разорвать, но ничего не получается. Отбрасывает покрывало и сдергивает с окна занавеску. Теперь из его комнаты тоже видна ночь.

Рассвет! Рассвет! Привести в исполнение! Убийцы!.. Мы все убийцы!

Слова переходят в нечленораздельные крики безумного.

Голоса соседей. Что такое? Кто там устраивает погром? Вызовите полицию! Или скорую! Он пьяный? Или помешался?

Писатель переворачивает стол. Листы рукописи разлетаются по комнате. Ползая по полу, он хватается их, мнет и рвет с ненавистью.

Писатель (хрипло). Убийцы! Убийцы! А-а!..

Трясущимися руками достает из кармана зажигалку и пытается поджечь листы.

За окнами светает.

Читатель застывает у окна, заложив руки за спину.

Голос тюремщика. Заключенный, встаньте!

Преступник вскакивает, вжимается спиной в дальнюю стену камеры.

Писатель. Рассвет! Рассвет!..

Зажигалка вываливается из его рук. Сам он падает на пол, крича и обхватив руками голову. Единственный успевший загореться лист ногами тушат вошедшие в комнату санитары в белых халатах. Одновременно с ними в тюремной камере появляются двое вооруженных тюремщиков в одинаковой форме. Преступник, не дожидаясь приказа, выходит из угла и сам делает шаг им навстречу. На его запястьях защелкивают наручники.

Тюремщик. Вперед! Пошел!

Преступник неуверенно шагает – колени у него подгибаются. Но усилием воли он заставляет себя идти, не спотыкаясь. Уходит под конвоем. Одновременно санитары под руки уводят Писателя, который едва держится на ногах и, глядя вокруг невидящим взглядом, явно не отдает себе отчета в происходящем.

За окнами первого «этажа» так и остается серый рассвет. Настоящее светлое утро наступает только за окном комнаты Читателя.

Читатель (глядя в окно). Понимание, вот что важно. Понимать человека – не значит оправдывать все его поступки. Это значит – уметь поставить себя на его место. Тогда совершенно ясно чувствуешь, что ты не в праве его судить. Не в праве никого судить. Понимание – вот чему нужно учиться. Это, может быть, самое важное в нашем мире.

Панорама за окном меняется. Зритель впервые видит ее не «снизу вверх», а так, как ее все время видит Читатель. Теперь это не только утреннее небо, но и вид на улицу города. На переднем плане ясно различимо здание, которое символически – без признаков какой-либо конкретной конфессии – напоминает храм.

Занавес.